

Во-вторых, за счет введения ценностно-содержательных компонентов одной интеллектуально-культурной парадигмы в системно-методологические формы другой (методологический синкретизм в широком смысле).

Используя бинарную связку «номос – космос» есть возможность отчетливо показать основную культуротворческую функцию синкретизма философии всеединства, полагаем, что философия всеединства в ее системно-теоретическом выражении в действительности впервые сформировалась в древнегреческой мысли, а ее наиболее полным выражением как в теоретическом, так и в методологическом планах является позднеантичный неоплатонизм. Его синкретическая сущность должна осмысляться в единстве трех аспектов: соединение теоретических положений ведущих течений предшествующей философской мысли (платонизма, аристотелизма, пифагореизма, стоицизма); соединение традиций рационально-логического познания эллинского Запада с традициями мистического созерцания индийского Востока; создание интегральной теоретической системы на основе принципа мистического рационализма, который проявляется, прежде всего, в смысловом единстве онтологических, гносеологических, антропологических и этических идей мистического рода, выраженных посредством рациональной системы и категориально-логического аппарата.

Таким образом, развитие синкретической философии всеединства на основе мистико-рационалистической систематики неоплатонизма в целом согласуется с обеими моделями приближения к истинному знанию, приведенными ранее. Только если в модели Николая Кузанского представить истину-круг с постоянно увеличивающимся радиусом: по мере приближения знания-многоугольника к его границам открываются новые горизонты познания, а решенные в прошлом проблемы обретают новый смысл и новую актуальность в новом социокультурном пространстве.

Библиографический список:

1. Гайденко П. П. Введение в философско-религиозные истоки науки. М. : Мартис. 1997. 319 с.
2. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум . М. : Прогресс-Традиция. 2003. 528 с.
3. Гутова С. . Методологический синкретизм в научных и философских системах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 5А. С. 123–132.
4. Любищев А. А. Уроки истории науки. СПб. : Алетейя. 2000. 358 с.
5. Микешина А. М. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания. // Эпистемология и философия науки. Т. 38. 2013. №. 4. С. 27–43.
6. Рожков В. П. Метафизика всеединства: методологические и онтологические основания парадигмы. Саратов. 2010. Вып. № 3. С. 34–39.

Дороненко О. Е.

РОЛЬ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ФИЛОСОФИИ

Термин «синтетическая парадигма философии» хорошо соотносится со стремлением философии выполнить функцию самосознания культуры или, по крайней мере, поучаствовать в осуществлении данной функции. Совершенно очевидно, что сама философия для этого должна осуществлять себя во взаимодействии со всем многообразием культурных форм и смыслов или, по крайней мере, смыслов, основополагающих для той или иной культуры. Рационалистический универсализм философии гегелевского типа оборачивается культурным редуccionизмом – нивелированием целых культурных направлений, сфер, видов деятельности. Неклассическая парадигма философии, полагая себя столь же универсальным (единственно возможным) способом философствования как некогда картезианский и гегелевский, хотя и реализует себя достаточно многообразно, но универсум самой культуры тоже, уже по-своему, редуцирует, как правило, снимая вопросы об универсальных смыслах, основополагающих ценностях и т. п.

В этом смысле проект создания «русской философии», как он разрабатывался В. С. Соловьевым и, особенно, как он продолжался и осуществлялся мыслителями «Серебряного века» не может быть сведен ни к классической, ни к неклассической парадигме философии, и, тем более не может быть рассмотрен просто как «переход». К классической философии западного типа он не может быть отнесен, поскольку начинается и обязательно включает в себя критику новоевропейского рационализма. От неклассической философии отличается тяготением к поиску универсальных смыслов, «чувством трансцендентного», стремлением к культурному синтезу и даже к осуществлению теургических проектов. В рамках данной краткой работы остановимся на том, что сам процесс формирования, осуществления и преподавания философии в России не получает полноты осмысления без взаимодействия знаний и, главное, смыслов, полнота осуществления которых находится в частично различных культурных сферах и научных дисциплинах.

Философию создают философы. Истина очевидная, но не банальная. Однако осмысление историко-философского процесса, особенно его культурных оснований уже не может быть сведено только к внутри

философским рефлексиям. Это непродуктивно для самой философии. Неосознанная полнота оснований историко-философского процесса обернется утраченными возможностями последующего роста. Именно для осознания динамики историко-философского процесса может быть максимально продуктивно взаимодействие представителей различных сфер культуры, различных сфер знаний и, в более узком смысле, взаимодействие представителей различных философских дисциплин. Конечно, речь идет, прежде всего, об основополагающей триаде философия – религия – искусство. Столь же очевидно, что в современном мире к ней добавляются наука и техника. Но поскольку основанием последних является только рассудочное знание, в сфере осознания универсальных смыслов они работать не могут. Так что основополагающая триада по существу своему остается незаменимой.

В рамках тематики данной конференции и, особенно, отдавая дань уважения профессору Д. В. Пивоварову, его вкладу и его искренней заинтересованности в подготовке специалистов религиоведов, остановимся на ряде аспектов, свидетельствующих о роли религиоведческих знаний, а значит и их носителей, для осуществления философии на основе синтетической культурной парадигмы.

Религиоведческое сообщество образуют люди, как правило, укорененные в религиозном опыте. Они обязаны владеть профессиональным (неискаженным, не банально стереотипным) знанием религиозных традиций. Профессионализм гуманитарного знания всегда основан на знании оригинальных источников. Соответственно, это специалисты, которые обязаны владеть профессиональными знаниями святоотеческого наследия. Одновременно они осуществляют функцию светского образования. И именно сочетание этих двух позиций раскрывает и негативную уникальность России по отношению и к восточному, и к западному миру, и возможность ее преодоления, по крайней мере, в рамках профессионального гуманитарного образования.

«Негативная уникальность» российского образования очевидна по сравнению с греческим, например. Религиоведческие дисциплины присутствуют в обязательной школьной программе все годы обучения, а на уровне третьего класса дети уже выполняют самостоятельные (!) задания по знакомству с личностями трех святителей: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. В нашей системе образования этот материал является «экзотикой» для студентов гуманитарных специальностей. Итак, опыту реализации религиоведческой составляющей образования в стране, которая, во многом, остается эталоном восточнохристианского мира, мы не следуем. О сравнении с исламским миром говорить излишне. Но подумать о том, что религиозное невежество может стать решающим фактором столкновения цивилизаций, лишним не будет. Одновременно в Греции о значении философии для самосознания нации (но только той, которую создали великие мыслители древней Эллады) не стесняются говорить уважаемые митрополиты. Так что философия в ее самобытности в этой стране не только присутствует, но и признается представителями разных сообществ, и не только в роли «служанки богословия». Эта формула, уже по своему авторству (Петр Дамиана) и по происхождению (схоластика) является сугубо западной.

Ссылка на западную парадигму для оправдания религиозного невежества неуместна. Прежде всего, в ряде стран, например, в Великобритании, религиоведческая составляющая образования сопоставима с греческой – присутствует на всех ступенях школьного образования, а в высшем присутствует, в том числе, посредством философских курсов. В нашем реально историческом советском и постсоветском опыте теологические основы историко-философского процесса оставались и, во многом остаются скрытыми. Теологическая и религиоведческая грамотность позволяет «вычитывать» и раскрывать теологические основы историко-философского процесса в западной традиции. Самые известные учения формировались как ответ на определенные теологические споры о творении мира, о творении человека, о возможности спасения. Для образованного человека западной культуры не удивительно, что углубленное изучение философии Декарта делает мыслителя неотомистом (пусть Этьена Жильсона). Осуществление принципа автономии морали (от религии!) утверждает и усиливает принципы протестантской этики. Изучая классическую философию западный человек остается внутри своей не только философской, но и религиозной традиции. В этом смысле остается внутри целостной культуры и культурного синтеза. Российский студент посредством изучения по преимуществу западной философии не усваивает религиозную традицию, но усваивает свойственный ей (западному христианству), следующий «за» ней, ею порожденный тип мышления. При смутном знании, а иногда при полном незнании религиозных традиций своей страны.

Обратимся к истории философии в России и к формированию ведущих для русской философии направлений. В обозначенном контексте важно актуализировать одну из проблем процесса становления русской философии. Ряд исследователей связывают процесс формирования философской мысли в России с ее «автономизацией» от государственной идеологии и от Церкви. В этом случае формирование автономной философской мысли начинается с «западников». Среди авторитетов, поддерживающих эту позицию, – М. К. Мамардашвили [2]. В другой позиции раскрывается проект создания русской философии в славянофильстве, в учениях И. Киреевского и А. Хомякова, которые прямо говорят в своих сочинениях о необходимости создания русской философии, ее несводимости к западным аналогам, о ее укорененности в опыте Церкви, как средоточии полноты истины, к которой всегда стремилась философия. Эта позиция раскрыта в ряде статей исключительного знатока культурных и философских традиций – А. Ф. Лосева [1]. Проект славянофилов

прямо указывает на необходимость осознания и осуществления религиозного опыта как основы истинной философии, проект западников видит свое достоинство в автономии философии и религии, возможно еще и в силу отождествления религиозных смыслов с государственной формой их осуществления (православие как официальная идеология Российской империи). Взгляд на религиозный опыт «извне» и «изнутри» в корне меняет самооценку самой философии.

В рамках краткого текста нашей целью было хотя бы репрезентативно указать на то, что понимание и истолкование историко-философского процесса и самих философских проблем может быть весьма различным в зависимости от религиозного опыта самого мыслителя. Умение понять и раскрыть религиозные традиции и теологические истоки обогащает, а иногда и принципиально уточняет понимание историко-философского процесса. Синтетические основы образовательной деятельности раскрываются не только в содержании отдельных тем, разделов и т.п., но и реализуются в самой интерпретации любого материала и в понимании целей образовательной деятельности.

Функция самосознания культуры и формирования самосознания личности плодотворно реализуется только в контексте осознания целостности культуры. Философия, стремящаяся к реализации целостной парадигмы, неизбежно может осуществляться только во взаимодействии с различными культурными сферами, а значит и с формирующими эти сферы сообществами людей. В ином случае «смысл религии», «смысл искусства» будет подменен рассудочными абстракциями или возведенными во всеобщность индивидуальными оценками искусства, религии и т.п. Опыт реального и личностного взаимодействия позволяет определять «болевые точки» нарушения целостности. Процесс образования, осуществляемый в контексте целостности культуры в перспективе способствует формированию целостной личности.

Библиографический список:

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. 1991. 525 с.
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М. 1992. 416 с.

Жукова М. В.

О ВОЗМОЖНОСТИ ТОЖДЕСТВА ИНТУИЦИИ И ВЕРЫ В КОНЦЕПЦИИ Д. В. ПИВОВАРОВА

Аннотация. В статье рассматриваются соотношения понятия интуиции и веры. В настоящей статье приведена концепция веры, разработанная Пивоваровым Д. В. – Belief-вера и Faith-вера. Приведенные положения об интуиции и вере позволяют предположить о неразрывной связи указанных явлений.

Ключевые слова: интуиция, вера, Пивоваров Д. В., Belief-вера, Faith-вера, наука и религия.

Познание идеального и материального мира невозможно без участия интуиции в силу того, что интеллектуальные способности ограничены работой с данными, уже включенными в систему знаний общества, тогда как интуиция позволяет человеку выйти за границы имеющихся возможностей, совершить переворот, суметь преобразовать реальность.

Первые дефиниции интуиции были сформулированы еще в эпоху Античности Платоном. Древнегреческий философ считал, что интуиция как некий метод познания способна проникнуть в первоосновы мира, в сферы времени и пространства, в области прошлого, настоящего и будущего, в измерения жизни и смерти. Так, в процессе интуитивного охватывания сфер материального и идеального бессмертная душа человека соприкасается со знанием, полученным в прошлых жизнях, душа вспоминает то, что уже было открыто ей ранее. Платон также утверждал, что интуитивное познание возможно в моменты озарения, посещения вдохновения, причем важно понимать, что как вдохновение, так и озарение не являются результатом внешнего воздействия, данные явления обусловлены действием души человека [1, с. 324].

До эпохи Нового времени роль интуиции в процессе познания обговаривалась, однако, предметом подробного исследования она не становилась. Одним из первых исследователей участия интуиции в процессе познания был Рене Декарт. Декарт актуализировал понятие интуиции, так как надежность результатов интуитивного познания не ставилась им под сомнение, так интуиция была первым шагом дедуктивного познания. Он решал вопрос сущности интуиции следующим образом. Он определял ее как «понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим». Интуиция в таком случае выступает в качестве элементарного акта познания, а само познание, в свою очередь, представляется цепочкой из множества актов интуитивной деятельности. Особенностью взгляда Декарта на интуитивное познание является то, что им актуализируется рациональность данного вида постижения, если в прежние эпохи посредством интуитивного знания изучению подвергались вопросы идеального мира – в Античности, вопросы Божественного Откровения – в Средние века, то в декартовской философии интуиция становится обязательным условием раскрытия тайн природы, мира материального [2, с. 247].